

ворит, что она «выдержана вполне в духе Ломоносова».³³ Достаточно, однако, прочитать ее (хотя бы в отрывках, приводимых П. Н. Берковым), чтобы убедиться, что это не так. В строфике, плане, синтаксических фигурах Голеневский следует Ломоносову, но безудержная расточительность в камнях и красках, выстроенных, совершенно как у силезцев, целыми номинативными сериями, свидетельствует о том, что в противоположность Ломоносову, этот поэт был положительным образом связан с немецкими маринистами:

Сапфир, смарагд с ультрамарином
Сияет тамо с кармазином³⁴

и т. д.

Вообще, Голеневский — фигура еще не выясненная. И в других одах он предпочитает редкие слова (например, илектровый), что делает его как бы предшественником В. Петрова. Словарь его отзывается педантизмом греко-богословской школы. Но как это было связано с несомненными симпатиями к силезцам? Что означает эта связь? Каково вообще было место Голеневского в эти ранние годы классической оды? Расхождение (с Ломоносовым) в вопросах стиля, без сомнения, опиралось на какие-то принципиальные соображения.

На фоне всего выясненного (комбинацией прямых данных и косвенных наведений) становится отчетливым особое, не органическое происхождение обеих од, Фенелоновой и Хотинской. Значение последней этим нисколько не колеблется; для целого ряда важнейших тем будущего Ломоносова именно в ней заложено основание (баталистика, Петр, инвективы, одические полемизмы и др.). И тем не менее обе оды не выражают целой стороны социально-литературного мировоззрения Ломоносова-студента, точь-в-точь так же, повторяем, как ода Гюнтера 1718 г., хоть самая талантливая из всех вообще немецких военно-придворных од, никак не была этапом в развитии Гюнтера. Именно потому Ломоносов и взял ее в образец.

Но есть возможность косвенным доводом подтвердить официально-особый, побочный характер Хотинской оды. Все положительные сопоставления с одой 1718 г. издавна и неоднократно сделаны; прибавить мы могли бы только нестоящие анализа детали; но одно отрицательное сопоставление поучительно. Обычную тему оды на победу: «теперь можно насладиться благами мира» — Ломоносов намечает едва: теперь безопасно путешествует купец, пастух безопасно гонит стадо и благодарен храброму солдату. Между тем у Гюнтера не только использована вытекающая из темы возможность жанровой картинки в забавном слого, но целая строфа (21-я), недаром сразу прославившаяся за неслыханную литературную смелость, совершенно выпадает из стиля милитарно-политической оды. Предыдущие строфы о радо-

³³ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени, с. 74.

³⁴ Там же.